

ВТОРАЯ ВОЛНА ПОСТСОВЕТСКИХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ КОДИФИКАЦИЙ: ПЕРВЫЕ ИТОГИ

ЛЕОНИД ГОЛОВКО

В последние годы сравнительно-правовой интерес к постсоветским исследованиям заметно вырос, в том числе в рамках уголовно-процессуальной науки. Это вполне закономерно: если в период существования СССР или сразу после его распада сравнение уголовно-процессуального права союзных республик (РСФСР, Украины, Армении и др.) или молодых независимых государств на фундаментальном уровне имело мало смысла, поскольку речь шла фактически о едином законодательстве (с мельчайшими отличиями), построенном на общих для всех Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г., и столь же единой практике Верховного Суда СССР, то сегодня ситуация изменилась. За прошедшие с момента распада СССР без малого 30 лет развитие каждой из постсоветских стран отличалось не только внутривнутриполитическими, геополитическими, экономическими, социальными и др. особенностями, но и особенностями уголовно-процессуальными. Накопился богатый сравнительно-правовой материал, требующий анализа. Помимо того, данный материал интересен не только в сугубо уголовно-процессуальном, но и в теоретико-правовом смысле, в частности с точки зрения теории кодификации, поскольку развитие уголовного судопроизводства постсоветских государств по большей части проходило через подготовку и принятие новых уголовно-процессуальных кодексов.

После распада СССР все бывшие союзные республики, ставшие независимыми государствами, приступили к разработке и принятию новых собственных УПК, что логично и понятно. Где-то эта работа шла быстрее, где-то – медленнее, но шла она везде. Во многих государствах данную задачу удалось реализовать в 1990-е годы, хотя далеко не повсеместно. Так, например, в России новый УПК был принят в 2001 г., а, допустим, в Таджикистане или Туркменистане – только в 2009 г. Возникло законодательное движение, которое можно назвать «первой волной» постсоветских уголовно-процессуальных кодификаций, хотя тогда никто ни о какой «первой волне», конечно, не говорил, в той или иной степени искренне полагая (по крайней мере, в среде юристов), что у крупных, значимых кодификаций, коими предстояло, как предполагалось, стать

новым постсоветским УПК, *волн не бывает*, так как любой кодекс принимается всерьез и надолго.

Скажем, если брать западноевропейские образцы, то первый УПК (Coded'instructioncriminelle) Франции действовал 150 лет (с 1808 по 1958 г.), пока не был заменен УПК 1958 г., до сих пор считающимся «новым». К слову, Coded'instructioncriminelle 1808 г. и сегодня действует в Бельгии и Люксембурге, хотя в той же Бельгии вопрос о его замене был поставлен еще в первой половине XIX века (почти 200 лет назад!), сразу после обретения этой страной независимости. В Германии действует УПК 1877 г., в который, конечно, вносятся изменения и дополнения, но который, тем не менее, пережил немало количество политических режимов (кайзеровскую Германию, Веймарскую республику, нацистский режим, создание ФРГ, объединение ФРГ с ГДР и т. п.) и примерно такое же количество разнообразных конституций. Даже одна из самых нестабильных в плане уголовно-процессуальных кодификаций Италия 59 лет применяла УПК 1930 г. (УПК Рокко), в том числе после падения режима Муссолини, во время правления которого он и был принят¹, пока не заменила его на УПК 1988 г., считающийся в европейской уголовно-процессуальной науке не просто новым, но *новейшим*. О каких «волнах» кодификаций на таком фоне могла идти речь, по крайней мере, если исходить из того, что постсоветские кодификаторы опирались на западноевропейский опыт и видели себя в единой романо-германской семье континентального кодифицированного права?

Однако вскоре возникла «вторая волна» постсоветских уголовно-процессуальных кодификаций – неожиданный политико-юридический феномен, вновь разделивший континентальный уголовно-процессуальный мир на *постсоветское пространство* (где новые УПК разрабатываются, обсуждаются, принимаются каждые 10, 15 или 20 лет) и *пространство западноевропейское*, где данный феномен, как мы видим, немислим. Если где-то подобное и происходит, то отнюдь не в Западной Европе, а в Латинской Америке, в некоторых странах которой уголовно-процессуальные кодификации в последние несколько десятилетий также иногда идут «волнами» (например, Аргентина или Гондурас)².

При этом «вторая волна» оказалась явлением много более сложным, нежели простой арифметический подсчет количества УПК, принятых после распада СССР в той или иной постсоветской стране. Где-то речь действительно идет о принятии уже второго УПК за относительно короткий период постсоветской независимости (Грузия, Казахстан,

¹ Подробнее об этом кодексе см.: **Полянский Н. Н.** Итальянский Уголовно-процессуальный кодекс (обзор) (первая часть рукописи) // «Судебная власть и уголовный процесс», 2018, № 1, с. 56.

² См. подробнее: Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. Изд. 2-е. М., 2017, с. 213 – 2017.

Киргизия) или о разработке проекта такого УПК. Но есть страны, которые, не приняв в свое время по разным причинам УПК «первой волны», сразу оказались в рамках «второй волны», волей-неволей присоединившись к этому постсоветскому «обновленческому» движению (Украина, прибалтийские государства, Молдавия). Поэтому, например, УПК Казахстана удивительно похож на УПК Украины, хотя первый является вторым УПК этой независимой страны после 1991 г., а второй – первым, сменившим УПК СССР, причем приняты оба кодекса почти одновременно (соответственно в 2015 и 2012 гг.). Получается, что Украина словно «перепрыгнула» первую волну кодификаций, сразу оказавшись во второй. Примерно то же самое, только чуть раньше, происходило в Латвии, Литве, Эстонии и Молдавии, которых (помимо последней) сразу готовили к вступлению в ЕС с кодексами, условно говоря, «второй волны», минуя «волну первую». Иными словами, вторая волна постсоветских уголовно-процессуальных кодификаций – это феномен не столько количественный, сколько *качественный*.

Непростым является и хронологический вопрос. Когда завершилась первая волна постсоветских кодификаций? Когда стартовала волна вторая? Формально привлекательной точкой отсчета выглядит 2009 г., когда, с одной стороны, были приняты последние кодексы первой волны (Таджикистан и Туркменистан), а с другой – Грузия стала первым постсоветским государством, принявшим второй по счету «независимый» УПК (УПК 1998 г. был заменен новым УПК 2009 г.). Казалось бы, речь идет о теоретически безупречной хронологической границе между двумя «волнами». Но при более пристальном рассмотрении она оказывается не столь безупречной. Так, УПК Литвы, УПК Эстонии и Молдавии (все 2003 г.), УПК Латвии 2005 г. к первой волне кодификаций *качественно* отнести все-таки нельзя (разве что количественно), хотя все они приняты до 2009 г. Непроста ситуация и с Украиной, оказавшейся последним постсоветским государством, применявшим до 2012 г. еще советский Уголовно-процессуальный кодекс, но чей УПК 2012 г., как уже отмечалось, сложно считать «кодексом первой волны», если абстрагироваться от формальных показателей и учитывать *содержание* кодификации, обозначенный ею вектор развития.

В такой ситуации с учетом обозначенных хронологических трудностей и качественной природы феномена второй волны постсоветских уголовно-процессуальных кодификаций ничего не остается, кроме как попытаться понять природу этого *качества* и выделить те *признаки*, которые позволяют отнести тот или иной УПК к кодексам «второй волны», причем независимо от даты его принятия и наличия либо отсутствия в истории уголовно-процессуального права соответствующего постсоветского государства УПК «первой волны». Представляется, что

речь должна идти о двух типах признаков: 1) признаках внешних (безотносительно содержания), лежащих в плоскости не столько теории уголовного процесса, сколько теории кодификации; 2) признаках внутренних, характеризующих именно уголовно-процессуальное содержание соответствующих кодексов. При этом признаки внешние концептуализированы в много меньшей степени, нежели признаки внутренние, в том числе автором этих строк, в силу чего на них имеет смысл остановиться немного более подробно.

В теоретико-правовом смысле можно выделить *пять* качественных признаков второй волны постсоветских уголовно-процессуальных кодификаций, которые вынуждают по-новому взглянуть на феномен кодификации как таковой (с точки зрения теории кодификации):

Во-первых, одним из таких признаков является беспрецедентное усиление влияния на разработку и принятие УПК международных организаций. В рамках «первой волны» международное влияние проявлялось, главным образом, на уровне Совета Европы, а также в использовании кодификаторами Модельного УПК для стран СНГ, принятого Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ 17 февраля 1996 г., да и то не везде (скажем, фактор Совета Европы был замечен в России или Армении при их вступлении в данную организацию, но отсутствовал, как и фактор Модельного УПК, при принятии в 1994 г. УПК Узбекистана). В ходе «второй волны» такое влияние приобрело уже тотальный и системный характер, будучи в значительной мере ее движущей силой. В этом смысле УПК «второй волны» есть не столько национальный, сколько международный продукт, к которому постсоветские государства присоединяются одно за другим, словно речь идет не о национальной кодификации, а о чем-то похожем на договор присоединения, чьи условия обсуждению и самостоятельной выработке не подлежат. Иначе говоря, фактически мы имеем здесь дело с типовой разработкой (типовым кодексом), распространяемой на постсоветском пространстве методом франшизы (франчайзинга).

Отмеченное системное влияние международных организаций, в результате которого процесс уголовно-процессуальных кодификаций и превращается в своего рода «франшизу», осуществляется сетевым образом. Здесь трудно выделить какую-то одну организацию или структуру, играющую решающую роль. Иногда сложно даже понять правовую связь того или иного государства с той или иной международной организацией. Скажем, в Киргизии немалую роль при разработке и принятии второго УПК сыграла Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), хотя Киргизия не является ни членом, ни кандидатом в члены ОЭСР и имеет ничтожные шансы вступить туда даже по прошествии десятилетий. Более того, свои

институциональные рекомендации о том, как следует кодифицировать уголовно-процессуальное право, ОЭСР дала Киргизии в ходе мониторинга в рамках Стамбульского плана действий по борьбе с коррупцией³. Какова причинная связь между уголовно-процессуальной кодификацией и борьбой с коррупцией, остается для автора этих строк большой теоретической загадкой. Скорее всего, борьба с коррупцией стала здесь просто благовидным поводом для оказания на Киргизию необходимого политического давления, вынуждающего ее «присоединиться» к движению новых уголовно-процессуальных кодификаций и никуда не отходить от распространяемого по франшизе типового варианта УПК. Это лишь иллюстрация: высока вероятность того, что таких поводов было значительно больше, а ОЭСР являлась далеко не единственной глобальной структурой, оказывавшей на Киргизию реформвлияние.

Во-вторых, несомненным признаком является стремление вывести разработку и принятие УПК за скобки внутривнутриполитического и геополитического контекстов. Знаменитая и существующая во множестве вариантов мысль о том, что «если вы высадились в незнакомой стране и хотите знать, защищены ли там гражданские свободы, попросите показать вам Уголовно-процессуальный кодекс»⁴, более не имеет ни малейшего смысла. Отражающие типовые подходы УПК «второй волны» примерно одинаковы везде: в странах Прибалтики (членах ЕС) и странах Средней Азии, на Украине (с ее «европейским» после 2014 г. выбором) и в Казахстане (с его выбором «евроазиатским»), в государствах, считающихся демократическими, и в государствах, таковыми не считающихся. Как видим, здесь не имеет значения ни внутривнутриполитический выбор, ни выбор геополитический в духе известных современных геополитических дихотомий: Запад – Восток, Европа – СНГ, Россия – США, ЕС – ЕАЭС и т. п. Иначе говоря, принятые в рамках «второй волны» постсоветские УПК более не являются вопреки расхожему мнению зеркалом или «лакмусовой бумагой»⁵, отражающей политический режим той или иной страны, реальный уровень там гражданских свобод, наличие или отсутствие демократии и т. п. Все они «слеплены» по единым лекалам. В этом смысле на постсоветском пространстве продолжает парадоксальным образом сохраняться уголовно-процессуальное единство, разве что поддерживается оно сегодня не Основами уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, а типовыми рекомендациями международных организаций.

³ См. соответствующий отчет по Киргизии, подготовленный ОЭСР и утвержденный ею в 2018 г., где немалое место уделено УПК: <https://www.oecd.org/corruption/acn/OECD-ACN-Kyrgyzstan-4th-Round-Monitoring-Report-2018-RUS.pdf> (последнее посещение – 2.10.2019).

⁴ Цит. по: **Bosly H.-D.** *Éléments de droit de procédure pénale*. Louvain. 1994. P. 7.

⁵ Об УПК как «лакмусовой бумаге» см., например: **Смирнов А. В., Калиновский К. Б.** *Уголовный процесс*. М., 2012, с. 23.

Причины такого единства понятны – второй признак второй волны постсоветских уголовно-процессуальных кодификаций, безусловно, связан с первым из отмеченных признаков, вытекает из него. Однако в плане общей теории кодификации он приводит к неожиданным результатам. Если в рамках классической правовой парадигмы всегда отмечалась «важность политического фактора в разработке и принятии кодекса»⁶, то сегодня этот тезис легко поставить под сомнение. Новый УПК Украины, казалось бы, отражающий ценности постмайданной демократии, на самом деле был принят в 2012 г. при президенте В.Ф. Януковиче, которого эта самая демократия вскоре свергла, невзирая на все прогрессивные положения УПК. Принятие в 2015 г. похожего на украинский УПК как «две капли воды» нового УПК Казахстана вовсе не отражает никаких политических изменений или пертурбаций в данной стране и т. д. Где здесь «лакмусовая бумага»? В то же время, если вспомнить отечественный опыт уголовно-процессуальных кодификаций, то каждый из предшествующих УПК действительно отражал фундаментальные политические преобразования: Устав уголовного судопроизводства 1864 г. – либеральные реформы Александра II; советские УПК начала 1920-х годов – революционные события 1917 – 1922 гг.; советские УПК начала 1960-х годов – десталинизацию, «оттепель», отход от политики репрессий; постсоветские УПК первой волны – распад СССР и обретение бывшими советскими республиками независимости. Только современные УПК «второй волны» ничего подобного не отражают. С чем это связано? Здесь-то и возникает третий признак.

В-третьих, подчеркнутая аполитичность (псевдотехнократичность) УПК «второй волны», возможно, существует только в плоскости внутреннего политического фактора, который действительно перестает играть существенную роль в разработке и принятии кодексов. Иначе говоря, роль перестает играть лишь национальная политика. Однако сам политический фактор скорее всего никуда не исчезает, просто перемещаясь во внешнюю плоскость, на наднациональный уровень, где есть свои центры власти, своя политическая борьба. Она нам сегодня прекрасно известна. С одной стороны, по-прежнему сильно движение, направленное в правовой сфере на сохранение римско-правовых традиций с четким делением правовых механизмов на частноправовые и публично-правовые, восприятием уголовной юстиции через призму государственного суверенитета, пониманием публично-правовой природы уголовного судопроизводства. С другой стороны, не менее влиятельна сегодня и так называемая неолиберальная концепция, предполагающая размывание границ между частным и публичным, превращение

⁶ Кабрияк Р. Кодификации. Перевод с франц. Л.В. Головки. М., 2007, с. 249.

государства в рынок, ограничение или даже разрушение государственного суверенитета в сфере уголовной юстиции и т. п.

Выбор между двумя этими подходами есть всегда выбор политический. Ясно также, что современные международные организации по определению (в силу своего «транснационального» характера) являются носителями неолиберальной идеологии, следовательно, усиление их роли – это всегда определенная политическая победа представителей данного идеологического направления. Она и должна получить отражение на уровне национальных уголовно-процессуальных кодификаций, особенно в такой чувствительной (не только в плане прав человека, но и государственного суверенитета) сфере, как уголовное судопроизводство. УПК в такой ситуации все-таки остается «лакмусовой бумагой», но смотреть на него надо не через призму национальной политики (как раньше), а поверх нее – туда, где принимаются «наднациональные» решения и разрабатываются типовые уголовно-процессуальные рекомендации. Отсюда и якобы политическая индифферентность второй волны уголовно-процессуальных кодификаций, когда одинаковые кодексы принимаются в разных политических режимах и системах. Отсюда неолиберальная идея «конкуренции» в уголовно-процессуальной системе разных публично-правовых институтов (например, следователя и прокурора), приравниваемых едва ли не к частным компаниям. Отсюда «делки», «договорные отношения», мечты о медиации (культ переговоров) и т. п.

Кодекс как зеркало не национальной, а наднациональной (транснациональной или даже глобальной) политики и идеологии – это действительно новое явление в теории кодификации, наблюдаемое сегодня на примере УПК «второй волны».

В-четвертых, еще одним признаком интересующей нас «второй волны» является размытость и неочевидность сравнительно-правовой референтности новых постсоветских УПК. Иначе говоря, не всегда понятно, что служит для них сравнительно-правовым ориентиром. С одной стороны, казалось бы, провозглашается так называемая европеизация уголовного процесса, ориентированность на некие европейские ценности, под которыми, видимо, следует понимать классические западноевропейские уголовно-процессуальные подходы. Во всяком случае «американизация» (прямые ссылки на опыт США) сегодня не только не в моде, но на уровне дискурса является едва ли не дурным тоном. Исключением предстает второй УПК Грузии (2009 г.), открыто провозгласивший курс на полную «американизацию» уголовного процесса, но это именно исключение, а не правило.

С другой стороны, многие типовые нововведения, закрепляемые УПК второй волны, не только не направлены ни на какую «европеизацию», но

иногда прямо уничтожают европейскую уголовно-процессуальную инфраструктуру, унаследованную постсоветскими государствами, откровенно противореча западноевропейской континентальной традиции. Скажем, так называемая деформализация предварительного расследования, отказ от принципа материальной истины, попытки введения института депонирования доказательств в духе знаменитого «параллельного расследования» – все это не имеет к классическим западноевропейским подходам, выстраиваемым именно вокруг формализованного предварительного следствия и принципа материальной истины (Франция, Бельгия, Швейцария и т. п.), ни малейшего отношения. В результате, «бренд» реформ (европеизация) никоим образом не соответствует их содержанию (продолжение пресловутой американизации).

Проблема разрыва между лозунгами и реальностью (декларациями и содержанием) проявляется и в другом – малообъяснимом на первый взгляд стремлении к своего рода «ребрендингу», когда объявленная якобы фундаментальная реформа на самом деле сводится лишь к переименованию того или иного традиционного института, не принося в содержательном смысле ничего нового. Это касается и введения легендарных «следственных судей», за фасадом которых легко просматривается известный во многих постсоветских странах на протяжении уже десятилетий институт судебного контроля в досудебном производстве, и так называемой отмены стадии возбуждения уголовного дела, хотя всем понятно, что, допустим, украинские «поводы и основания» начала досудебного расследования⁷ есть та же самая стадия возбуждения уголовного дела, просто предстающая в ином терминологическом облики, и многого другого.

При принятии и разработке УПК «второй волны» информационная коммуникация играет иногда даже большую роль, чем собственно реформирование. В рамках этой коммуникации появляются и «европеизация», и следственные судьи, и отказ от стадии возбуждения уголовного дела. Реальное реформирование, видимо, не может быть типовым, оно все-таки должно опираться не на «сетевой маркетинг» международных организаций в сфере уголовного судопроизводства, а на реальные социально-политические потребности соответствующих государств, которые типовыми не бывают. В противном случае мы и получаем не кодификацию, а коммуникацию со всеми ее неперемными атрибутами.

В-пятых, с принятием новых УПК «второй волны» реформирование уголовного судопроизводства отнюдь не завершается, ситуация не стабилизируется, причем даже в краткосрочной перспективе. Напротив, уголовно-процессуальная реформа разгорается с новой силой, что,

⁷ См.: Кримінальний процес. Харків. 2018, с. 271–274.

конечно, никак не соответствует теории кодификации. Напомним, что одним из атрибутов классической кодификации является «эффект кристаллизации», поскольку «годы, следующие за принятием какого-либо кодекса, небогаты на реформы, как будто кодификация опустошает всю законодательную энергию»⁸. Это понятно: кодификация для того и нужна, чтобы стабилизировать право, иначе какой в ней смысл.

Однако в случае со вторыми постсоветскими УПК ничего подобного не происходит, что только подчеркивает абсолютную искусственность данных кодификаций и их «типовой» характер. Это мы видим на примере Казахстана, Украины и других государств, продолжающих реформировать уголовное судопроизводство с той же активностью, что и до принятия новых УПК. Иначе говоря, принятие УПК является в данном случае не столько кодификацией (в сущностном понимании), сколько инструментом, направленным на создание пространства для дальнейших реформ, в результате чего реформирование уголовного судопроизводства становится фактически *перманентным*. Иначе говоря, речь скорее идет об инструментализации института кодификации, нежели о его использовании по назначению.

Таковы фундаментальные признаки «второй волны» постсоветских уголовно-процессуальных кодификаций, анализ которых крайне интересен с точки зрения общей теории кодификации. Ясно, что ничего общего с классическими кодексами новые постсоветские УПК не имеют, что и предопределяет их крайнюю недолговечность. Но не является ли данная тенденция объективной? Быть может, институт кодификации изменился до неузнаваемости сам по себе, причем речь идет о закономерных изменениях, в силу чего нельзя сравнивать нынешние УПК с их великими предшественниками, чьи величие и стабильность объясняются исключительно контекстом развития права в XIX и отчасти XX столетиях, но немислимы в столетии XXI? Такое предположение гипотетически возможно. Однако пример с новым УПК Швейцарии (первом на общегосударственном уровне), который разрабатывался несколько десятилетий, был принят в 2007 г., а вступил в силу в 2011 г., доказывает обратное. Нет ни малейших сомнений, что швейцарский УПК принят всерьез и надолго, никакой «второй волны» кодификации в этой стране не будет, система останется стабильной в относительно длительной перспективе, исчисляемой если не столетиями, то десятилетиями. Не является швейцарский УПК и типовым. Следовательно, не существует ни малейшей несовместимости между классической идеей кодификации и XXI веком, а феномен «волн кодификации» для развитых правовых порядков по-прежнему не характерен, оставаясь сугубо постсоветской «визитной карточкой».

⁸ Кабрияк Р. Указ. соч., с. 154.

Что касается собственно уголовно-процессуальных (содержательных) признаков постсоветских УПК «второй волны», то они прекрасно известны. Речь идет о типовом наборе институтов, отражающих несколько столь же типовых идей. Среди них:

- отказ от стадии возбуждения уголовного дела;
- унификация предварительного расследования (дознания и следствия) с добавлением к нему (процессуализацией) оперативно-розыскной деятельности в духе теории «универсального полицейского» (одновременно и следователь, и дознаватель, и оперативник) и закреплением в УПК института «негласных следственных действий»;
- унификация статусов подозреваемого и обвиняемого;
- одновременная дифференциация уголовного процесса в духе создания бесконечных упрощенных процедур, построенных на разнообразных «договорных отношениях»: сделки, уголовные проступки и т. п.;
- следственный судья;
- медиация;
- цифровизация (электронный протокол; электронное распределение уголовных дел между судьями и т. п.).

При желании данный перечень можно продолжить, но основные типовые «инновации» здесь выделены. Их можно обнаружить и в Казахстане, и в Киргизии, и на Украине. Они без конца обсуждаются и в других постсоветских странах. Если абстрагироваться от идеологической составляющей, то каковы первые итоги реализации всех этих нововведений в тех странах, которые попытались их реализовать в своих новых УПК (второй волны)? Есть ли позитивные результаты? Их, будем откровенны, вопреки ожиданиям кодификаторов и чаяниям международных организаций, не так много, как хотелось бы.

Отказаться от стадии возбуждения уголовного дела не удалось – только переименовать, в чем мы уже убедились на украинском примере с его «поводами и основаниями начала досудебного расследования». Ничего удивительного здесь нет: нельзя начинать официальное производство по всем заявлениям, сообщениям, обращениям и т. п. подряд и проводить по ним качественное расследование, да это и не нужно. Кроме того, для определения подследственности, внесения данных в знаменитый единый реестр досудебных расследований и т. д. требуется хоть какая-то предварительная квалификация деяния, для чего и служит стадия возбуждения уголовного дела с неизбежной «доследственной проверкой» (каким бы термином мы ее ни обозначили).

Ничего не получилось и с концепцией «универсального полицейского». Как отмечают литовские исследователи, «по истечении почти 15 лет после вступления Литвы в Европейский союз и принятия в

2003 г. нового Уголовно-процессуального кодекса», считающегося, напомним, едва ли не образцовым для постсоветских кодификаторов второй волны, «можно сделать предварительный вывод о тяготении уголовного процесса Литвы к УПК Литвы 1962 г.»⁹. Это проявилось в ряде изменений в новый УПК Литвы, которые в значительной мере восстановили статус-кво и доказали, что «универсализация функций субъектов, проводящих расследование преступлений, нежизнеспособна»¹⁰.

Следственный судья оказался «не новым субъектом уголовного процесса, а ординарным судьей во время осуществления им судебного контроля, депонирования показаний и некоторых других полномочий»¹¹. К слову, цифры депонирования доказательств в тех государствах, которые ввели данный институт, незначительны¹². Ни о какой реальной эффективности института говорить пока не приходится, хотя прошло уже несколько лет после его введения.

Что касается уголовно-правовой медиации, то о ее практических результатах неудобно и говорить, они стремятся к нулю. Впрочем, мы уже подробно разбирали в другой своей работе объективные причины нереализуемости всех постсоветских инноваций в сфере медиации, являющихся откровенными иллюзиями, поэтому отсылаем к ней¹³. Здесь на этом останавливаться не будет. Ясно, что речь идет о реформах-фантамах.

Не складывается и с электронным уголовным делом, электронными доказательствами и т. п. По крайней мере, соответствующие попытки изменения в данном направлении уголовно-процессуального законодательства Азербайджана сегодня признаны неудачными, став хрестоматийным примером того, чего делать не нужно¹⁴.

Какой вывод можно сделать из всего этого? Пожалуй, только один: подлинная кодификация не может быть «типовой», быстро слепленной по единому для всех государств лекалам, иначе мы получаем далекие от идеала результаты, с которыми столкнулись в рамках второй волны постсоветских уголовно-процессуальных кодификаций. Уголовно-процессуальная кодификация должна отражать социальную реальность

⁹ Бурда Р. Э. Досудебное расследование преступлений: сравнительный анализ уголовно-процессуальных кодексов Литовской Республики и Республики Беларусь // Формирование эффективной уголовной политики и оптимальной модели досудебного производства – приоритетная задача юридической науки и практики. Минск, 2019, с. 177.

¹⁰ Там же.

¹¹ Коновалов С. Г. Элементы германской модели досудебного производства в уголовном процессе постсоветских государств. Автореф. дисс... канд. юрид. наук. М., 2018, с. 10.

¹² См., например, данные по одному из регионов Казахстана: Коновалов С. Г. Указ. соч., с. 141.

¹³ Головкин Л. В. Медиация по уголовным делам (восстановительное правосудие) // Альтернативное разрешение споров. М., 2019, с. 269 и далее.

¹⁴ См. Белов С. Цифровизация надзорной деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве // "Законность", 2019, № 4, с. 3.

того или иного государства, его институциональные потребности, а не идеологические установки сторонников какого-либо глобального направления, что исключает плодотворность «типовых» подходов.

Удастся ли кому-либо из постсоветских государств преодолеть «типовое» уголовно-процессуальное строительство, выстроить собственную модель уголовного судопроизводства и войти в престижный круг стран (Франция, Германия, Швейцария, Бельгия) со стабильными уголовно-процессуальными кодексами, пусть и подвергаемыми уточнениям или изменениям, но не отправляемыми в мусорное ведро каждые десять-пятнадцать лет, словно бытовая техника или компьютерная программа? Пока вопрос остается открытым.

Ключевые слова: *уголовно-процессуальная кодификация, УПК, вторая волна, постсоветский уголовный процесс*

ԼԵՈՆԻԴ ԳՈՒՈՎՎՈ – Հետխորհրդային քրեադատավարական կոդիֆիկացիաների երկրորդ ալիքը. առաջին արդյունքները – Հոդվածում վերլուծվում են հետխորհրդային քրեադատավարական կոդիֆիկացիաների երկրորդ ալիքի ֆենոմենը, դրան ուղեկցող հատկանիշները, որոնք ոչ միշտ են տեղավորվում կոդիֆիկացման դասական տեսության տրամաբանության մեջ, ինչպես նաև դրանց առաջին գործնական արդյունքները, որոնք չի կարելի բավարար համարել: Հեղինակը փորձում է հասկանալ տվյալ ֆենոմենի պատճառները:

Բանալի բառեր – *քրեադատավարական կոդիֆիկացիա, ՔԴՕ, երկրորդ ալիք, հետխորհրդային քրեական դատավարություն*

LEONID GOLOVKO – The Second Wave of Post-Soviet Criminal Procedural Codifications: First Results. – The author analyzes the phenomenon of the second wave of post-Soviet criminal procedural codifications, its specific features which are not always within the logic of the classic doctrine of codification, as well as the first practical results of these codifications, that are not satisfactory. The author tries to comprehend the reasons of this phenomenon.

Key words: *criminal procedural codification, Criminal Procedural Code, second wave, post-Soviet criminal procedure*